

Юридические науки

УДК 343.2

И.И. КАРТАШОВ

(iv.cartashov@gmail.com)

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИСТЕМ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ*

Рассматриваются теоретические, законодательные и практические вопросы, связанные с уголовно-правовой оценкой деятельности систем с искусственным интеллектом. Анализируются субъективные признаки преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта.

Ключевые слова: *уголовная ответственность, искусственный интеллект, субъективная сторона, субъект преступления, правосубъектность, сознание, воля субъекта.*

Несмотря на появление в последнее время работ отечественных ученых по проблемам уголовно-правовой оценки деятельности систем с искусственным интеллектом, более исследованными они являются в зарубежной науке.

Некоторые авторы отмечают, что в западной доктрине вопрос об уголовно-правовом «вмешательстве» в деятельность искусственного интеллекта (ИИ) ставится в плоскость решения главной проблемы: что надо делать в случае, когда «робот убил человека» либо причинил существенный вред его здоровью? [2, с. 175].

Так, Г. Хэллеви, отмечая растущее использование искусственного интеллекта в различных сферах, предлагает разработать специальную теорию уголовной ответственности за действия искусственного интеллекта и роботов, которая бы охватывала «производителя, программиста, пользователя и всех других вовлеченных лиц» [6, с. 177–178].

Согласно американской правовой доктрине преступление ИИ должно иметь возможность быть приписанным человеку, т. е. составлять “actus reus” (объективную сторону), т. е. такое поведение лица, которое так или иначе связано с деятельностью искусственного интеллекта, а также кругом обязанностей, возложенных на такое лицо, несоблюдение либо ненадлежащее исполнение которых привело к причинению искусственным интеллектом вреда. В случае, когда в поведении человека не доказано несоблюдение либо ненадлежащее соблюдение указанной обязанности, следует говорить об отсутствии причинно-следственной связи между ИИ и наступившими последствиями, что исключает уголовную ответственность такого лица.

Для того, чтобы проанализировать элемент “actus reus”, необходимо определить участников, вовлеченных в этот процесс.

При принятии ИИ решений, первым, очевидным действующим лицом является пользователь. Под пользователем мы понимаем лицо, которое активирует ИИ впервые и инструктирует его о своих задачах, а также получает выгоду от его работы.

Другим участником будет выступать производитель, который разрабатывая систему с искусственным интеллектом, должен нести ответственность за все, что касается производства ИИ (оборудование, программное обеспечение и другие факторы данного производства). Производитель также знает технологию, лежащую в основе процесса принятия решений в ИИ, по крайней мере, на её начальном этапе, когда система внедряется на рынок (передается пользователю).

Наконец, это третьи лица, которые не имеют непосредственного отношения к ИИ, но, несмотря на это, могут обладать возможностью непосредственно или опосредованно влиять на поведение ИИ

* Работа выполнена под руководством Иванченко Р.Б., кандидата юридических наук, доцента, заведующего кафедрой уголовного права ЦФ ФГБОУ ВО «РГУП».

и как-то взаимодействовать с ним. Это может быть человек, например хакер, использующий вредоносную программу, или собеседник искусственного интеллекта в сети Интернет.

Полагаем, что основная ответственность за деятельность систем с ИИ в первую очередь ложится на пользователя, который в определенной мере управляет этой системой и выполнением тех или иных алгоритмов. Эти субъекты могут влиять на ИИ посредством дистанционного контроля, давая точные инструкции или не вмешиваясь и не подавая никаких сигналов.

Пользователь может, например, дистанционно управляя дроном, намеренно направить его на гражданский самолет, в целях уничтожения последнего или дать беспилотнику точные инструкции о том, как летать, находясь в воздухе. С точки зрения уголовной ответственности, в указанном примере беспилотник выступает орудием совершения преступления, соответственно его субъектом будет выступать пользователь, задумавший уничтожить таким образом самолет. Однако, ситуация усложняется в случае, когда беспилотник действует автономно и игнорирует инструкции от пользователя и впоследствии причиняет ущерб. Есть ли у пользователя или производителя соответствующие обязанности по недопущению такого поведения дрона? Рассмотрим это на примере недавнего случая с уничтожением военными США иранского генерала К. Сулеймани. Как сообщают средства массовой информации, операция была осуществлена с помощью беспилотных летательных аппаратов [1]. Предположим, что ракетный удар был произведен не по команде оператора, а в соответствии с общим алгоритмом действия дрона в той или иной ситуации. Например, в его программе были заложены условия, при которых он должен совершить пуск ракеты (обнаружение колонны военной техники с вооружением, способным причинить ему вред и признаками подготовки стрельбы по нему). При боевом патрулировании дрон обнаружил, как ему показалось, объект, схожий с заложенными в него признаками потенциально опасного противника, и нанес ракетный удар. Должен ли в такой ситуации нести ответственность оператор, если команду открыть огонь он не давал, но в тоже время и не дал команду огонь не открывать? Вопрос, по нашему мнению, дискуссионный.

Ответственность производителя в первую очередь связана с аппаратным и программным обеспечением ИИ, включая все от механических элементов до кода и алгоритмов внутри, а также образование и обучение ИИ. Производитель может влиять на ИИ любым образом, т. к. код является мозгом системы, т. е. его ядро и ключ ко всему. Однако, что делать, если ИИ допускает ошибки, не предусмотренные производителями?

В современном мире вся ответственность за действия ИИ (хотя истинного ИИ ещё изобретено не было) накладывается на людей, которые были причастны к его разработке или же любой иной деятельности, подразумевающей его активацию. В этой связи, мы солидаризируемся с мнением исследователей, полагающих, что наилучшим решением является наложение «надзорной обязанности» на владельца по контролю над искусственным интеллектом «во избежание риска для вреда, даже если действие не было предсказуемым для оператора». Основная проблема этого решения заключается в том, что «непредсказуемость действий искусственного интеллекта» останется. С появлением «настоящего» ИИ (в котором написанный код несёт в себе лишь функции жизнеспособности, и вся остальная деятельность происходит путём саморазвития), можно будет говорить о непосредственной уголовной ответственности системы, но в настоящее время «искусственный интеллект и участники его деятельности (пользователь, производитель) левитируют в пустом пространстве без четкого представления о том, что правильно в уголовном праве, а что – нет» [5, с. 45–47].

Вместе с тем уголовно-правовая характеристика любого преступления предполагает рассмотрение его субъективных признаков (субъекта и субъективной стороны). Преступления, совершаемые с использованием систем с ИИ, не являются исключением. Субъект является одним из четырех обязательных элементов состава преступления, без которого рассуждения об уголовной ответственности теряют всякий смысл. В соответствии с действующим УК РФ, субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, совершившее общественно опасное деяние [4, с. 100].

Распространение систем с искусственным интеллектом ставит вопрос об определении субъекта преступления, совершенного такой системой. В предыдущем разделе мы коснулись ситуации, когда ИИ совершает преступное деяние, действуя автономно или с ограниченным контролем со стороны человека.

Как справедливо отмечают А.Г. Кибальник и П.В. Волосюк, в настоящее время рано говорить об искусственном интеллекте как о самостоятельном субъекте преступления. Свое суждение авторы обосновывают тем обстоятельством, что активность систем с искусственным интеллектом связана с человеком и ему подчиняется (непосредственно или опосредовано), а потому они по существу являются орудием причинения уголовно значимого вреда [2, с. 177].

Ситуация изменится тогда, когда система с ИИ получит полную автономию от человека, а также обретет способность обладать сознанием и волей, т. е. станет личностью.

И.Н. Мосечкин полагает, что искусственный интеллект, созданный на основе бионического подхода, посредством заимствования из природных конструкций, включая естественную психику, будет повторять человеческий, а значит можно будет говорить о наличии в деянии такого ИИ субъективной стороны. В противном случае, когда разработка ИИ базируется на другой основе, о «человеческом сознании» говорить нельзя [3, с. 467]. Полагаем, что автор несколько заблуждается. Полное заимствование «из природных конструкций» вряд ли достижимо вообще, ибо человек в этом случае уподобится Богу.

Тем не менее мы уже говорили ранее о том, что созданные человеком самолеты летают, несмотря на существенное их отличие от птиц (хотя и сделаны они по образу и подобию).

Нам представляется, что наибольшие споры, при обсуждении вопроса о признании систем с искусственным интеллектом в качестве субъектов уголовной ответственности, в случае фактического достижения ими обозначенного уровня, будут вестись как раз о наличии у них интеллектуальных и волевых моментов, образующих субъективную сторону преступления.

Таким образом, по нашему мнению, до момента признания наличия у искусственного интеллекта самосознания, говорить о новом субъекте преступления рано.

Литература

1. Иранский генерал Сулеймани убит в Багдаде по приказу Трампа. Главное // Ведомости. [Электронный ресурс]. URL: <https://vedomosti.ru/politics/articles/2020/01/03/820104-iranskii-general> (дата обращения: 11.04.2020).
2. Кибальник А.Г., Волосюк П.В. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегород. академии МВД России. 2018. № 4(44). С. 173–178.
3. Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Право. 2019. Т. 10. № 3. С. 461–476.
4. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / отв. ред. А.И. Папог. М.: Проспект, 2013.
5. Claussen-Karlsson M. Artificial Intelligence and the External Element of the Crime. Örebro University, 2017.
6. Hallevy G. When Robots Kill: Artificial Intelligence under Criminal Law. University Press of New England, 2013.

IVAN KARTASHOV

The Central branch of The Russian State University of Justice

ISSUES OF CRIMINAL ASSESSMENT OF SYSTEM WITH ARTIFICIAL INTELLIGENCE ACTIVITY

The article deals with the theoretical, legislative and practical issues associated with criminal assessment of the system with artificial intelligence activity. There are analyzed the subjective aspects of crimes committed with the use of artificial intelligence.

Key words: criminal liability, artificial intelligence, subjective aspect, crime committer, legal personality, consciousness, subject will.